

Сергей Перминов

ПЕСНИ
БЕЗ МУЗЫКИ

СТИХИ

Сергей Сергеевич Перминов

Песни без музыки. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42831474

ISBN 9785449696731

Аннотация

В принципе подробная аннотация на второй странице книги. Повторюсь: издать текстовки моих песен как стихи – идея моих друзей и фанов. А Марина Старикова, мой свет в окошке уже 15 лет, – главный вдохновитель этого проекта.

Содержание

Свинцовое	10
800 метров	10
Здравствуй, Марта	12
Перекур	14
Уланская	16
Простите меня	17
Ухожу на дно	18
Старая пластинка	20
Казачья	22
Ветеранам необъявленных войн	23
Приём в Зимнем	25
Последний заслон	27
Побег	29
Брест	31
Чужая память	33
Я пилот!	35
Песни для салуна «Севен Мун»	37
А белый лебедь...	37
Техасское утро	39
Старый кольт, Мэри и половики	40
Ищу коня	42
Индейская плясовая	44
Сидели кошки на трубе	46

Кот и коньяк	46
Снайпер	48
Снайпер 2	50
Штык-вилка	52
Мечта о ферме	54
Ироничное	56
Комплимент	56
Письмо Ржевского баронессе N	57
Ржевский Оболенскому о Ки-Ки	58
Встреча	60
Оболенскому на гауптвахту	61
Ржевский – Оболенсколму	63
Пьяный монолог	65
Блуд поймал	67
Пора!	69
Абордаж	70
Чтобы Гидра сожрала	72
А сам-то?	74
За что, пойму!	76
Нокдаун	77
Вот дурак!	79
Как гладиатор	81
Казнить нельзя помиловать	83
Подскажите	84
Своя дорога	86
О нас	88

Я вас любил...	89
Не мой город	90
День без проблем	92
Баллада о бюстгальтере	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Песни без музыки Стихи

Сергей Сергеевич Перминов

© Сергей Сергеевич Перминов, 2019

ISBN 978-5-4496-9673-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга посвящается Марине Стариковой. Принявшей меня со всеми плюсами и минусами, уже 13 лет поддерживающей меня во всех моих творческих эксперимента. Благодаря ей эта книга и другие, что будут позже, ещё появятся.

О КНИЖКЕ

Долго думал о её названии. Понимаешь, можно было бы написать просто «Сборник стихов». Как говорится «скромно, но со вкусом». Но дело в том, что это мой первый сборник. И, если честно, это не совсем стихи. Кое-кто может сказать: «Это вообще не стихи». Бог ему судья. Будем считать, что этот человек имеет полное право на такую оценку. Наверное, он пишет изящней и лучше, великолепно работает

со словом... ну и так далее. Извини, что я снова на «ты». Мне кажется так будет доверительней. Но я всегда так обращаюсь к тому, кто читает мои книжки. Будь то проза или что-то ещё. А почему считаю, что это не совсем стихи, я сейчас попытаюсь объяснить.

У меня по жизни было много профессий: подземный электрослесарь, монтажник, слесарь КИП и А, журналист районной газеты и помбур глубокого (5000 метров проект) бурения. Хоть по паспорту и москвич, и родни там много, но львиную, сознательную часть жизни прожил на Сахалине. Как Северном, так и Южном. А сейчас нахожусь в Приморье. Не отпускает Дальний Восток. Многое тут держит. И природа, и люди. Иногда друзья спрашивают почему я не в Москве. Да вот стоит только вырваться за МКАД, то становишься обрусевшим москвичом. Так и представляюсь новым знакомым, если спрашивают. А не спрашивают – и ладушки.

Студентом играл в джазе. Позже, кроме работы, создал несколько ВИА. Последнее моё любимое детище – Т/О «Лаборатория». Это уже авторская песня. Что ни говори, хоть джаз и хорошая попса мне дали много, но это всё равно подразумевает дисциплину. А я с ней не очень дружен. Посему дух фестивалей бардовской песни, атмосфера их, меня вполне устраивает до сих пор. Здесь каждый сам себе композитор, поэт, аранжировщик и критик. Последних – хоть отбавляй. Как-то однажды, на одном из концертов, три самых центральных «лаборанта» Дима Зыков, Ваня Гаман и я озву-

чили зрителям нашу, нами же придуманную формулу: «Спасибо, что Вы здесь. Спасибо, что мы здесь. Спасибо, что Вы есть!». И с тех пор были ей верны. Ваня уже ушёл от нас. Ушёл туда, откуда не возвращаются. К моему глубокому сожалению, как сказал наш классик, «иных уж нет, а те дале-че». Там, в Запределье уже и Миша Матвеев, и Серёжа Денисенко... Не хочу всех перечислять. Больно. Уходят, а это обидно, лучшие. Остаётся их светлый образ и великолепнейшие песни и стихи.

Почему-то словосочетание слов «бардовская песня» у меня, видимо из-за раскатистых букв, ассоциируется с бегом босыми ногами по камням. Для слуха приятнее заменить на «авторская». Соответственно – гитара всегда была рядом. Надеюсь, что сумел объяснить почему то, что будет тобой прочитано, не совсем стихи.

Да, мой друг! Это текстовки моих песен. И разумеется, что у них, не у всех правда, есть свои мелодии. Но «Лаборатория» – всегда эксперимент. И как главный «лаборант» предлагаю поэкспериментировать вместе. Может быть, где-то услышу новый вариант своих песен. Более интересный и более музыкально краше. Ты не представляешь, как буду рад услышать. Значит они чем-то затронули тебя и, возможно, даже понравились. Так что, попробуем?

С уважением к тебе – автор

Свинцовое

800 метров

На остановке друга спросил
– Наш автобус этот?
А он съязвил
– Разве трудно пройти
Всего восемьсот метров?
Вздрогнул услышав эти слова.
Там, за проливом где-то,
На сахалинском снегу лежат
Те восемьсот метров.
Всего восемьсот. От берёзы до пня.
Их бы пройти. Да где там!
Снег по лицу и его, и меня,
И обжигает ветром.
Ноги в горсть! И с катушкой бегом.
Путь не такой уж длинный...
Не знали мы с Юркой, что нас тайком
Ждёт старая мина.
Всего восемьсот... От берёзы до пня!
И грейся потом в казарме.
Только вдруг ослепило меня.
Круги перед глазами...

Выросло дерево снега с землёй

И снова назад пало.

Хоть локти грызи, хоть волком вой,

А Юрки не стало!

Сейчас между мной и взрывом тем

Много событий и много лет...

Я не касался бы грустных тем.

Но, понимаете, Юрки нет!

Здравствуй, Марта

«Ах, мой милый Августин, Августин, Августин!
Ах, мой милый Августин! Всё прошло, всё...»

Здравствуй, Марта! Я пишу издалека.
Я пишу тебе из Армии Христовой.
И пускай тебе не видима строка,
Но и я не видел смерти под Ростовом.
Я не раз со стороны потом смотрел.
Я вселялся в душу русского Ивана.
Наводил Ванюша снайперский прицел
Мне на грудь. Под клапан левого кармана.
Видно был он не без юмора мужик!
Я хотел уже приложиться из фляжки...
Боли не было. Удар! И в тот же миг
Вижу – катится в пыли моя фуражка.
Я стою и не могу никак понять —
Тело стало почему-то невесомым.
А у ног лежит похожий на меня
Лейтенант убитый Ваней под Ростовом.

«Ах, мой милый Августин! Всё прошло, всё...»

Здесь мы встретились
Мы с ним теперь в друзьях.
Пили то, что нам на небе наливают.

Он подох потом в мордовских лагерях.
А за что подох? Да он и сам не знает.
Долго плакал мне в простреленный карман.
И прощения просил меня за это.
Я простил. Ведь я погиб за Фатерланд.
Ну, а он за что?

Никто не даст ответа.

Марта, милая! Безжалостны года!
Мне в деда теперь годится мой же сын.
Я люблю тебя. Любил тебя всегда.
Скоро встретимся. Твой милый Августин.

P.S Ты придёшь ко мне и старой, и седой...
Будут волосы твои как белый дым...
Ну, а я... а я такой же молодой.
Как тогда, тобой любимый Августин.

«Ах, мой милый Августин, Августин, Августин!
Ах, мой милый Августин! Всё прошло, всё...»

Перекур

Прощайте, господин штабс-капитан!
Вам выделить из Ваших папирос?
Да... Если б не осёкся Ваш наган,
Я б через год бурьяном здесь пророс!

Но – не судьба! Она сейчас за нас.
Молиться будете? Ну, что ж, прошу! Молитесь.
А ловко Вы мне локтем между глаз!
Да! Нет, не тороплюсь! Вы покурите.
А помните в жестоком том году
Немецкий фронт мы с Вами в клочья рвали?
Как стадо гнали их! Но на беду
Добить приказа нам тогда не дали!
Не обижайтесь на меня, вашбродь!
Не я Россию ставил вверх ногами...
Вы – это Вы! А мы – увы! – народ.
И всё ж спасибо Вашему нагану!

Мы ж одного полка, штабс-капитан!
Я разве разрешил бы Вас повесить?
Вот Вам один патрон... Вот Ваш наган...
Я с Вами покурю на этом свете.
Нет! Вы не убежите... Не боюсь...
А отпущу – нам с Вами драться снова!
Я к Вам спиной спокойно повернусь,

А Вы уж сами... Только дайте слово!
Да, ладно... Что ли первый он, синяк?
Всё? Покурили? Вот он, Ваш наган...
Мы всё ж однополчане как-никак!
Прощайте, господин штабс-капитан!

Уланская

Не плачьте, барышня! Оставьте стремяна.
Здесь сотни глаз. Не плачьте, барышня! Грешно.
Уланы строятся, расправив знамена.
Клянусь – вернусь я к Вам из-под Бородино!

Папа Ваш, барышня, милейший старикан!
Он – комм иль фо! Таких не видел я давно.
Винца домашнего с ним – ни один стакан...
Клянусь – вернусь я к Вам из-под Бородино!

А Ваша маменька? Так чопорно-мила!
И как на сына на меня глядит в окно.
Она в дорогу пирожков мне напекла...
Ей-ей! Вернусь я к Вам из-под Бородино!

Я не в усадьбе Вашей жил! Я жил в раю!
И, как француза восвоеси провожу,
То к Вашим ножкам – слово честное даю! —
Европу свадебным подарком положу!

Не плачьте, барышня! Оставьте стремяна.
Здесь сотни глаз! Не плачьте, барышня, грешно!
Уланы строятся, расправив знамена...
Клянусь – вернусь я к Вам из-под Бородино!

Простите меня

Простите меня, Государь-император!
Не я из нагана стрелял Вам в лицо.
Но, если б пришлось, и так было надо,
Я б рядом не встал ни с одним подлецом,
Что Вас расстреляли в холодном подвале!
...Наследника долго кололи штыки...
И в том историческом, страшном провале
Не отмолить нам наши грехи!

Мой дед не вытряхивал гильзы пустые
В подвале Ипатьевского особняка.
О волосы мёртвых царевен густые
Не чистил подошвы он наверняка.

И украшения с мёртвой царицы
Никто из моих не срывал. Я клянусь!
А после не лил кислотой на лица,
Чтоб их никогда не увидела Русь!

От Вас втихаря очищали скрижали.
И все вы погибли не на войне.
Другие безжалостно Вас убивали...
Другие. Я знаю. Но стыдно-то мне.

Ухожу на дно

Все наши паруса надуты ветром боя.
Мы сквозь огонь врага несёмся напролом!
И пушки докрасна раскалены пальбою.
Что ждёт нас впереди – мы будем знать потом!

Чужие и свои борта кромсают ядра...
Как паутину рвут, дырявят паруса...
И, – смилуйся Господь! —

Нам продержаться надо
Всего-то полчаса!

Каких-то полчаса!

Но вот чужой корвет почти свалившись на борт,
Почти что затонув в упор прошил мне борт.
И жалобно скрипя свалились мачты за борт.
И задницей своей к нам повернулся Бог!

Я отбиваюсь зло чугунными плевками.
Надежда есть на то, что друг подставит борт.
Иначе мне хана! Я это твёрдо знаю.
Иначе он один родной увидит порт!

Как стая злых акул враги круги сужают...
Напрасно ищет глаз родные паруса...
Бьюсь из последних сил! И в дыме задыхаюсь.
Осталось полчаса... Каких-то полчаса...

Он мастерски ушёл! Взял парус полный ветер.
Вернётся с флотом он. Иного не дано!
И спустит флаги враг. Я в это твёрдо верю.
Но мне уже плевать! Я уйду на дно!

Старая пластинка

Пластинку старую нашёл. Совсем случайно.
И в мир давно ушедших дней вошёл нечаянно.
Как-будто сдвинулись года.
И даты смялись.
Пластинка тех времён, когда
Отцы влюблялись.
Это старое танго пело им про закат.
И о парке пустом, где сирень расцветает...
Но за Бугом уже танки рейха гремят,
Марши рейха гремят. И полмира пылает.

А здесь, в приморском городке, на танцплощадке
Безусый парень, мой отец, обняв украдкой
Девчонку с русою косою назвал женою...
А завтра счастье их сомнёт рассвет войною!
Но пока это танго пело им о любви.
Вечной словно гранит, ясной как небосклон...
А наутро ребятам стянут плечи ремни.
И в рассветную дымку уйдёт батальон.

Рассвет стучит в моё окно.
Проснулись крыши.
Пластинка кончилась давно.
А я не слышал.
Я в мыслях там ещё, я там. В године горькой.

...и мы в окопчике с отцом дымим махоркой...

Казачья

За бугром в лесочке ждём сигнального свистка.
Стремена позвякивают тихо.
А свисток слегка дрожит у сотника в губах.
Вот ещё чуть-чуть и свистнет лихо!
Лавой на бугор взметнёмся. Шашки наголо!
Будет ветер в грудь лупить с налёта.
Время помирать ещё я знаю не пришло.
Нету моей пули в пулемётах!

Шашкой не достали меня красные бойцы.
Штык стальной по мне ещё не плачет.
Будут ещё барышни и троек бубенцы!
Верю в бесшабашную удачу.

Ты нелепой смерти мне, гадалка, не пророчь!
...На осенний лист роса упала...
Я перед атакой спал спокойно эту ночь.
А теперь спокойно жду сигнала.
И свисток выносит сотню лихо на бугор,
Шашки с тихим шелестом из ножен...
Смертный бой, дай Бог,
Ещё не смертный приговор!
И в галоп! А дальше – Бог поможет!

Ветеранам необъявленных войн

Иногда по ночам снится посвист свинца,
Грохот боя и залпы орудий...
Нам краснеть не к лицу. Мы прошли до конца.
Не железные в общем-то люди.
Мы остались солдатской присяге верны.
Нам простятся и слёзы, и раны.
Жаль не все возвратились с нашей войны,
Этой страшной войны, ветераны!

Будут помнить о нас Кандагар и Шатой,
И Самашки, и горы Афгана.
Всё теперь позади, за горящей чертой
Нашей страшной войны, ветераны.
Будем помнить всегда о погибших друзьях.
И за них нам стыдиться не нужно!
Закалённая в этих кровавых боях
С нами – наша солдатская дружба!

Мы уже не в строю. Мы вернулись домой.
С нами души погибших вернулись.
И откуда о них будем помнить с тобой —
Их не тронут осколки и пули.
И пускай по ночам снится посвист свинца,
Грохот боя, и залпы орудий...
Нам краснеть не к лицу. Мы прошли до конца!

Не железные в общем-то люди!

Приём в Зимнем

Чертовски юный офицерик
С полуулыбкой на губах
Глядит в распахнутые двери.
Глядит, и сам себе не верит:
Вот-вот прибудет шеф полка —
Княжна Великая Мария.

И за огромнейшим столом,
Что сервирован серебром,
Однополчане-офицеры
В сиянье блещущих погон.

Официанты за спиной
Застыли словно изваянья...
И не доходит до сознания,
Что не пройдёт десятка лет
И будет дан другой обед,
Где будет Ваше Благородье
На том пиру с престономародьем
Хлебать кровавое вино.
И заедать кровавой кашей,
Которую Россия наша
Во время смут полна, как чаша!
И где прервётся путь его?

Не шашкой ли в донских степях?
Иль под сосок под левый пулей?
Ещё Россию не согнули.
И не повергли в красный прах.
Ещё лет десять... а пока
Чертовски юный офицерик
Глядит в распахнутые двери.
Глядит и сам себе не верит:
Вот-вот прибудет шеф полка
Княжна Великая Мария...

Последний заслон

Всё! Мы в море уходим. Пешком, а не на корабле.
Расстреляв все патроны.

Сдаваться, поймите, нельзя!

Впереди – командир.

И впервые, – увы! – не в седле...

В спину молча глядят пулемётов тупые глаза.

Пароходы ушли... Просто мы прикрывали отход.

Добровольно остались, спасая остатки России.

Так решили в полку: «Ни к чему, господа

Пароход!»

И остались под крымского неба

Полуденной синью.

Проигравши Россию, куда нам бежать? И зачем?

От себя не уйдёшь! Это всё тараканьи бега...

Есть у русских простые слова —

Офицерская честь

От неё не сбежишь. И куда от неё убежать?

За морской горизонт каравана уходят думы,

Чей-то брошенный конь уплывает

Во след кораблям...

Мы – последний заслон.

И с тобою прощаемся мы.

Ты прости нас, Россия! Прости нас,

Родная земля!

Побег

Ах, как хочется жить!
И последний патрон в барабане...
И на левом плече еле держится грязный погон.
Конь лежит и хрипит,
Ошалелыми водит глазами...
Не уйти нам, дружок!
Нас догонят, кто мчится Вдогон!

Старый юнкерский вальс
почему-то приходит на память...
Тут бы Богу молиться, а я вспоминаю его:
Я с тобою кружусь. Я влюблён.
Я не буду лукавить...
И пока нам с тобою бедой не грозит ничего!

Тут «Бордо» не в зачёт!
Я от глаз твоих ясных хмелею.
От духов из Парижа кружится моя голова.
Я от рыжих твоих, от блестящих волос сатанею!
Старый юнкерский вальс...
А какие в нём были слова?

Их не вспомнишь уже!
Да и, попросту, я не успею.
Закурить бы сейчас! Затянуться последний разок.

Конь уже не хрипит...

И глаза постепенно мутнеют...

Дай тебя обниму на прощанье,

Мой мёртвый дружок!

Вот уже вдалеке слышен топот кровавой погони...

Даже посвист клинков я уже различаю едва...

Тут бы Богу молиться!

А я вот мелодию вспомнил.

Старый юнкерский вальс...

Ах, какие в нём были слова!

Брест

- Ты что давно не бреешься, сержант?
- Да где та бритва, господи прости?
- Смотри, спокойно ходят... не дрожат...
Как дома.
- Бритвы больше не найти...

А ничего, что я уже на «ты»?

- Условности, сержант! Нас только двое.

А может быть дождёмся темноты

И через Буг? Как ты считаешь, воин?

- Нет! Не пройти! Там каждый сантиметр

Уж месяц, как давным-давно пристрелян.

А твой вопрос сочту за комплимент.

Нет, правда, лейтенант! На самом деле.

Какой там Буг! Гангрена на ноге

От разрывной...

Хожу-то еле-еле...

Да ты и сам-то, даже налегке

С одной рукой...

- А всё-таки сумели

От них вчера «свалить» через завал!

Теперь и днём нас не найти со светом...

- Я по-мужицки! Время не терял...

Дымнём-ка по трофейной сигарете?

– Давай, сержант! Так... Что имеем мы?
Два «шмайссера», «MG»... И три рожка...
Смех смехом – не дотянем до зимы.
Да и нога твоя наверняка
Без медицины – смертный приговор.
Как до луны с тобою нам до фронта!
Сержант! Ползи сюда... И глянь во двор...
Построились... наверно ждут кого-то...

– Ох, лейтенант! Хоть и продули кон,
Но мы тряхнём последний раз колоду!
Сейчас по этой красоте погон
Пройдусь из ихнего же пулемёта!
– А я по строю! Что ж, прощай сержант!
Жаль, что небриты попадаем в рай!
– Да перестань рвать душу, лейтенант!
– «Последний и решительный»?
– Давай!

Чужая память

Чья-то память ночами будит меня...
Чья-то память уходит с началом дня...
Лишь закрою глаза – полыхает война.
Открываю глаза – тишина.

Снится ночью мне бой. Воздух пульей сверлён.
В снег прижат пулемётами лёг батальон.
Мы лежим, как мишени на белом снегу.
Головою к судьбе, головою к врагу.

Зубы в пыль искрошив, ярким солнечным днём
Мы лежим под прямым пулемётным огнём.
И пустой автомат. И граната одна.
И шагах в тридцати амбразура видна.

Тут, крути-не крути, скоро в ствол попадёт
Та заветная пуля, которая ждёт.
И которую кто-то в проклятой стране
Отливал, чтоб она прилетела ко мне.

До войны я считался грозою двора.
В отделенье меня вспоминали с утра.
И бывало с улыбочкой шёл я к ножу...
Так какого же чёрта в снегу я лежу?!

Эх, была-не была! Смерть красна на миру!
Тут чьи козыри старше! А вдруг не помру?
Только тридцать шагов... Амбразура близка...
И замолк пулемёт! И упала рука...
И своим же осколком, наотмашь и в лоб
Опрокинут спиною на мягкий сугроб.
И метелью – атака! А я на снегу
Умираю... Но я умереть не могу!

Я, разбужен осколка смертельным тычком,
Просыпаюсь уткнувшись в подушку ничком...

Чуть светлеет восток... Шорох шин за окном...
А ведь только лежал под кинжальным огнём!

Чья-то память ночами будит меня...
Чья-то память уходит с началом дня...

Я пилот!

Я не камикадзе! Я – пилот!
Камикадзе те, что на эсминце.
Мы опять уйдём на разворот.
Жаль, что нам не видеть эти лица!

Жаль не видеть страха в их глазах.
Словно муравьи бегут по трапам
Те, кто видел мир в своих ногах.
И кому мы дали кличку «джапы»

Не защита самурайский меч!
Нас не остановят пулемёты.
Мы на боевой сумеем лечь
Заходя с крутого разворота.

Штурман взял их в бомбовый прицел,
А стрелок их с палубы сметает...
Живы мы, покуда «бомбер» цел!
И ещё над ними полетаем!

Чёрных капель серия пошла...
Им – на дно! Ох, как горят красиво!
Дома расцелуем два крыла,
Те, что нас над смертью пронесли.

Всё! Теперь ко взлётной полосе...
Чуть дымим... Но это... обойдёмся!
«Бомбер» нас не выдал! Живы все!
Отдохнём...
Загрузимся...
ВЕРНЁМСЯ!!!

Песни для салуна «Севен Мун»

А белый лебедь...

(Пародия на песню гр. «Лесоповал»)

Брошу бегать в салун и отгрохаю ранчо.
Разведу там овец, и гусей, и коров...
Как сказал мне шериф, если он не обманщик
– На молочных дрожжах возбуждает любовь!
Но этот Джо «Кривый Наган»,
Пройдоха, сволочь и болван
С утра явился с «пузырём»! Никто не звал!
Кричит
– Давай пойдём в салун!
В родной салун наш «Севен Мун».
Но я ему под носом фигу показал!

Будешь ты приносить молоко мне парное.
Как шерифу жена носит кофе в постель.
Будем жить вери вэл! С молоком и с любовью.
Нас закружит с тобою молочной любви карусель!
Но этот Джо – крутой садист! —
Прилип, как к попе банный лист!
Кричит

– Пойдем в салун!

Но я ответил

– Никогда!

Случайно стопку пропустил.

А после чёрт меня носил!

А где и как носил не помню! Вот беда!

Я проснулся потом в лошадином навозе...

Голова как бидон, да и «трубы горят»...

Я уеду в Рашу. Говорят там в колхозе

Молоко и доярок дают всем подряд.

Прощай Небраска и Канзас,

И Оклахома, и Техас!

Прости-прощай страна родная ЮСА!

Нас «Красный лапоть» ждёт колхоз!

Поедем, Джо? Вставай, барбос!

На, похмелись! И прекрати жевать навоз!

А белый лебедь на пруду

Пропашет попой борозду.

И всех имеет он ввиду

На том пруду...

Техасское утро

*Как упоительны в России вечера!
гр. «Белый орел» (пародия)*

Как отвратительно в Техасе по утрам!
И пахнет порохом простреленная шляпа...
Опять шерифу дать приходится на лапу...
Как отвратительно в Техасе по утрам!

Как отвратительно в Техасе по утрам!
В салуне снова было паленое виски...
И подавали из опоссума сосиски...
Как отвратительно в Техасе по утрам!

В салуне бабы постарели на пять лет!
На них глядеть – так тянет рвать
Со страшной силой.
Всё, джентльмены! Надо когти рвать в Россию!
Как упоительны в России вечера...

Доярки, скотницы, прорабши, повара...
И бригадирши... И кормёжка по три раза!!!
И Билл Койот не будет в морду лезть, зараза!
Как упоительны в России вечера!

Старый кольт, Мэри и половики

Еду мимо ранчо берегом реки.
До чего красивые места!
На крыльце у ранчо трясёт половики
Мэри – неземная красота!
На дыбы поставил своего коня,
Шляпу лихо сдвинул набекрень...
Мэри ноль вниманья на коня и на меня!
Ей трясти половики не лень.
Я коня покрашу в ярко-синий цвет.
Если спросит
– Что за синий конь?
И тогда у Мэри я спрошу в ответ
– А не переспать ли нам с тобой?

На дыбы поставил синего коня,
Шляпу лихо сдвинул набекрень...
Мэри – ноль вниманья на коня и на меня!
Ей трясти половики не лень.
Злость ковбоя гложет. Я ж ведь не урод!
В доллар попадаю на скаку!
Что ж ты, крошка Мэри, не выходишь из ворот?
Что же ты ко мне, как к дураку?
Красил я в зелёный, да и в красный цвет коня,
Гарцевал по берегу реки...
Мэри – ноль вниманья на коня и на меня!

Знай трясёт свои половики!

В кольте шесть патронов. В доме шесть окон.

От бедра я зло стрелял с коня.

Издавало звон весёлый битое стекло...

Ой, до фи́га ж патронов у меня!

По дороге пыльной еду не спеша.

На бедре пригрелся старый кольт.

И под скрип седла опять оттаяла душа,

И ушла из сердца злая боль.

За спиной осталось ранчо у реки...

На седле скрипящем виски пью...

Да чёрт с тобою, Мэри! Ты тряси половики!

И плати за стёкла! О фак ю!

Ищу коня

Над каньоном светит одинокая луна,
Звёзды низко, просто пальцем тронь!
Ночь моя сегодня получается без сна:
Отвязался с коновязи конь.

Я иду по камням тихо шпорами звеня
И ищу распроклятого коня.
Мысль одна гнетёт меня:
Может кто-то спёр коня?
Зря шарахаюсь ночью по камням?

Мне бы обоняние койота на часок!
Я б тогда по запаху копыт
Сразу отыскал куда девался мой дружок.
Но я простыл. Соплями нос забит.
Я бреду по камням тихо шпорами звеня
И ищу распроклятого коня.
Жгуче мучает вопрос:
«Как и где прочистить нос?»
– Лишь в салуне. – кто-то тихо произнёс.

В страхе оглянулся. Рядом нету никого.
Может сплю и это всё во сне?
Только издалёка вдруг услышал «и-го-го!»
Мой хвостатый голос подал мне.

Я назад по камням громко шпорами звеня.
У салуна ждёт мой конь меня.
Рядом Джон-Кривый наган,
И Граф Сидоров, болван
Норовят седло пропить с коня.

Я ведь из Техаса! Этот номер не пройдёт.
Джону – в бровь, а Сидорову – в глаз!
Дяде Биллу в рыло. Пусть не лезет, идиот!
Наш Техас и в Африке Техас!

Индийская плясовая

Хор индейцев:

Пули, пули, пуляйси пумпа!

Аникадебра!

Ачернопумпа!

Аквакварарачернопумпа!

Вернётся вождь с охоты на бизона,

И мокасины скинув у огня,

Вигвам окинув взглядом полусонным,

Вопросит

– Что тут было без меня?

И заикаясь повествуют люди

– Случились, вождь, великие дела!

Твоя жена, могутные раскинув груди,

Без томагавка на койота шла!

Как с ним она отважно стала биться!

Смешался ком из шерсти, крови, тел...

Как трудно к нему было подступиться!

(А, в принципе, никто и не хотел!)

О, этот бой! Жестокий и кровавый!

Слетелось тучей злое воронье!

Визжащих соплеменников орава

Койота отдирала от неё!

Потом ударят в бубны все шаманы
Свершая о геройстве колдовство.
Но, чёрт возьми, а боевые шрамы
К лицу такой, как ты красивой, скво!
Как жаль, что там меня не доставало!
И если б зубы мне разбили вдрызг,
То я б тому позорному шакалу
Последним зубом глотку перегрыз!

Хор индейцев:

Ачернопумпа! Аквакварарачернопумпа!...

Сидели кошки на трубе

КОТ И КОНЬЯК

*От пыли-жару шли стихи
Маленько прочиталась с весом...
Сидели кошки на трубе
Сочли звоночек с политессы...*

М. Рогацевич

Пытаюсь в стену гвоздь забить.
Да видно руки не оттуда!
Ах, как мне хочется любить
Кого-нибудь вульгарным блудом!

Хотел я тесто просушить —
Гвоздь под кувалдой, сволочь, гнётся...
Сосед по-пьяни замесить
Пытался воду из колодца
С соляжкой... Ну совсем балбес!
Жевал бы, чудик, расстегаи.
А так – схватил огромный стресс.
Не откачала баба Галя.

И тётя Вера ни фи́га

Не допилила до эклера.
Татарин Митька – шур тайга!
В Испании опять холера...

А я кувалдой палец – шмяк!
Фунт стерлингов упал в прихожей...
Не пил бы кот вчера коньяк,
Не стал бы на собак похожий!

Снайпер

*Нажимаю на загрузку
И вращается кольцо:
Пол-лица... лоб... глазки узкие...
Открывается лицо...
(Надежда Крупина)*

Палец плавно на гашетку
Нервно дёргая щекой...
Вижу в прорези прицела
Образ... Боже! И какой!

Вдруг она? Гляжу – не верю.
Чем себе я докажу?
Как потом пойду проверю?
Но прицел-то навожу...

А зачем? Всё ж проходяще —
Бой посуды, ссоры, крик...
Если честно, то, товарищи,
Я к этому привык.

Нет! Стрелять в неё не буду!
Видно всё-таки люблю.
Фиг с ней, битую посудой!
Лучше тещу застрелю!

Снайпер 2

*Где трава нам по пояс не скошена
Залегла я с парнишкой Порошею.
Там ловили зелёных кузнечиков,
Любовались на маленьких птенчиков...
И жуков собирали в коробочку,
И с руки там кормили воробушков...
Ночь прошла. Я осталась невинною.
А была ночь и нудной, и длиною...
(Надежда Белугина)*

И сейчас там, где были с Порошею,
Травы тоже давно не покошены.
Стал колхоз тот давно нерентабельным.
В документах – отметкою табельной.

Ой, Пороша! Пороша, Порошенька!
Сколько б мы натворили хорошего
В этих травах и ныне не скошенных.
Где ж ты, змей подколодный, Порошенька?!

А колхоз получился заброшенным
Оттого, что гадюка-Порошенька
Эти травы оставив не скошены
И со мною не сделал хорошего!

Я поеду в колхоз тот заброшенный.

Упаду в эти травы не скошены...

Сколько лет я в засаде, Порошенька?!

Ох, не жди ничего ты хорошего!

Штык-вилка

*спит в мавзолее дедушка ленин
противный и рыжий как таракан
снится ему не крупская надя
а почему-то инесса арманд.*

*одет в строгую «тройку»
белоснежный платочек
скромно вложен в нагрудный карман
теперь он готов простить все ошибки эсеров
за роскошные бёдра фани каплан.*

(Митяй Разгильдяев)

Уронил краюху на колени.
И пока схватился за стакан,
Глядь, а на краюхе Вова Ленин!
Или может рыжий таракан?

Испугался Вова, спрыгнул на пол.
И под плинтус, расхрестить-хрести!
Даже не успел схватить я тапок,
Что б порядок в кухне навести!

Допил недопитую бутылку.
В голове гудит хмельной туман...
Я, как штык, держу в ладони вилку —
Скоро черти сядут на стакан!

Мечта о ферме

*Холодильник пуст как тундра!
Словно за полярным кругом.
Поломался чайник утром.
Простудился я недугом.
А зима идёт всё злее.
И зарплаты не хватает.
Солнце раненько темнеет
И совсем не вдохновляет.*

(В. Коровин)

Я приврал. Живая тундра!
Вон лиса бежит с песцом.
Вон олень бежит за самкой
С перетруженным... лицом.

Гуси-лебеди весною
Все присели на яйцо...
Мне присесть бы тоже надо!
Не могу, в конце концов!

Вот вспашу сохою тундру,
Завезу туда коров,
Кукурузу забубеню —
Будет ферма будь здоров!

В морозилку глянул утром:
Рыбье сало! Вот те на!
А куда получка делась
И не вспомню ни рожна!

Ироничное

Комплимент

Графиня... эээ... Княгиня... О, пардон!
Вы так прекрасны, целостны и зримы!
В меня попал стрелю купидон...
Три тысячи чертей! Не вспомню имя.

Три тысячи чертей! Как мог забыть?
Не из-за Вас ли дрался на дуэли?
И Вас, наверно, обещал любить...
А может Вы любить меня хотели?

Поручик! Ты пустая голова!
Клянусь себя: шампанское... актрисы...
А Вас увидя – вновь сошёл с ума!
И рыжие усы мои обвисли.

Скребёт по ребрам сердце... Боже мой!
Как ногтем по стеклу. Или по жести.
Навеки с Вами! Вновь навеки – твой!
Три тысячи чертей!

Поручик Ржевский

Письмо Ржевского баронессе N

О, баронесса! Как прекрасен лик
Изображённый кем-то на портрете!
И если бы ни глаз сиянье этих,
То как бы сер наш мир был и безлик!

О, как бы низко плыли облака
За шпили задевая старых замков!
И выворачивая душу наизнанку
Осознавать, как всё же далека
Мечта на холст написанная кем-то...
Любой бы не сбавляя скачки темпа
Верхом в метель, грозу, туман и зной,
Скакал бы к Вам – мечте своей шальной!

Была б ему погода – вне закона...
Я не могу! Мне гнать Наполеона.
Увы!

Ржевский Оболенскому о Ки-Ки

Корнет! Я умоляю Вас! О чём?
Ки-Ки... Кафешантанная певица?
Пардон! Мне легче будет застрелиться.
Иль в омут. Да на шею с кирпичом.

А между тем маркиза де Жоффри
Прислала мне вчера для Вас записку.
Желает с Вами быть знакомой близко.
Она ещё в прекраснейшей поре!

А что за тридцать – право не беда!
Свой замок, и бильярд, и погреб винный...
А в нём вино – в России нет старинней!
Вот это партия скажу Вам! Да!

А Вы – Ки-Ки... Ах, бросьте, князь-корнет!
Вас засмеют в России и в Париже.
Гусар гусару – друг и брат. И ближе,
Поверьте мне и не было, и нет!

А то, что близок с нею – в свете врут!
Она по утрам
– Деньги?
Мне? Зараза!
Тотчас девиз ей наш напомнил сразу:

«Гусары с даммов денег не берут!»

Встреча

Пардон, мадам! Я право растерялся...
Простите невнимательность мою.
Я поначалу думал – обознался.
Да нет, она! Я крест на том даю!

Простите Вы гусара ради Бога!
Не диво! Вас не видел целый год.
Да что Вы... Жизнь гусарская убога!
Всё то же дни и ночи напролёт.

А Вам-то как, пардон мадам, живётся?
Семья, заботы, нелюбимый муж?
Он всё в разъездах? Право, обойдётся!
Да Вы давно привыкшие к тому ж.

Пардон, мадам! Обиделись? Простите!
Всё, всё не так! И правда не видна.
Вы у камина грустная сидите
И ждёте мужа глядя из окна.

Конечно врут! Мы близко не знакомы.
Куда молву людскую занесло!
Пардон, мадам! Простите за нескромность.
Трубач – «К походу!» Эскадрон! В седло!

Оболенскому на гауптвахту

Князь! На манёврах мы. А вы – увы!
На гауптвахте за Ки-Ки... Забавно!
Плевать на дам из света стали Вы?
Вам что попроще? А зачем недавно
Вы бросили художницу Жу-Жу?
Вы хлеще ловелас, как погляжу.
На Вас в полку все ставки были в марте,
Когда Вы пропадали на Монмартре.
И вот – Ки-Ки... Нет, Вас я не сужу.

Корнет! Хочу я слух ублажить Ваш.
Со мной произошёл другой пассаж!

Вы помните, как мы вошли в Париж?
Дождь целый день лупил по скатам крыш.
В казарму заскочил переодеться,
А там такое... Никуда не деться.
– Три тысячи чертей! Ты где, денщик?
Не сёдлан запасной... И кивер грязный...
На гауптвахту хочешь? В сей же миг
Отправлю! Что, не веришь? А напрасно!
Нет! Он, каналья дрыхнет! Между тем
Сегодня к нам сама Ми-Ми Бризар
Имеет быть. Мечта шальных гусар!
Они теряют голову совсем при ней...

Да ладно, есть чем встретить

Актрису...

Ты, каналья, мне ответишь

Коль грязным я предстану перед ней.

Тащи сюда шампанское. Скорей!

Что из того, что были мы в бою?

Ты приведи в порядок эту форму.

Иначе на воротах тебя вздёрну!

И не спасти головушку твою!

Успел... Почистил... Вот на штоф пятак!

И больше не шути со мною так!

О, господи! Не так устроен мир,

Когда денщик – каналья и жуир!

Но, князь, он всё же парень редкий.

Как говорят, я с ним пойду в разведку.

(Он у молочницы гостил вчера.

И на постой припёрся в пять утра)

А Вам, корнет, ещё сидеть прилично?

Скорей назад! Мы встретим Вас отлично.

И рандевуха будет не по-женски,

Три тысячи чертей!

Поручик Ржевский

Ржевский – Оболенсколму

Увы мне, князь! И я хочу домой.
А может к чёрту всё? Подать в отставку?
Враг побеждён. Его побиты ставки.
Так что тут ошиваться, боже мой?
Исполнили мы долг свой до конца,
Разбив Наполеона-наглеца.

Домой хочу, признаюсь Вам по чести.
(А ныне сенокос у нас в поместье)
Я даже в Петербург не появлюсь.
Страшнее, чем Парижа я боюсь.
Опять парады, конная муштра...
Навоевались, князь! Домой пора.

Среди моих дворовых есть одна...
Вот то была б красавица жена!
Папа её любить не разрешал.
А я бы с ней хоть к чёрту убежал!

Условностей у нас не перечесть.
Как совместить любовь, дворянску честь,
И мненье света? Оболенский, брат!
Да я б сегодня ускакал в обрат
Подав в отставку... Только Вас дождусь!
Мечтаю, как домой к себе примчусь

С желанным гостем. Вами, брат мой князь!
И, чёрт возьми, я познакомлю вас.

Кротка, мила... а как толста коса!
И цвета василькового глаза...
Я б хоть сей миг на ней женился, брат!
Но мне *Papa* опять не разрешат.
Он ищет мне жену среди дворянок.
А я среди парижских куртизанок
Искал и не нашёл, – ну ё моё! —
Хоть слабое подобие её.

А эти все Ки-Ки, Ми-Ми, Жу-Жу
Не стоят гауптвахты, доложу!
Корнет! Коль согласитесь Вы со мной —
Тогда, дружок, в отставку! И домой!!!

Пьяный монолог

(Оттепель 60-х)

Оторвать бы этому пианисту пальцы!
Я-то думал, что это играет наш.
А диктор сказал он – американец.
Но как играет, чёрт! Ума не дашь!

А что, у нас своих пианистов нету?
Он же играет Чайковского... Первый концерт...
И прилетел, гад, с другого конца света.
Больше того – ему оплатили билет!

Ван Клиберна кличут его, кажется.
Но мы пролетарии тёртые! Не сдуешь с горшка!
На фиг, Хрущёв, ты придумал «оттепель»?
Зря ты, генсек, это сделал. Знаю наверняка.

Конкурс Чайковского...
Да ещё и международный...
Надо ж выдумать! Своим бы платили, как надо.
А ты из Америки пригласил уроды.
И всё ему: деньги, почёт и награды.

Гражданскую кончили... Отечественную – тоже...
Остановили мировой катаклизм!

Так что ж мы? Сами так играть не сможем?
Нет, братцы! Так не построишь коммунизм!

И осознание этого болью бьёт по затылку!
За державу до слёз и соплей обидно вдвойне!
Эх, пойду в магазин... Возьму бутылку...
И к Ваське! Он на гармошке сыграет мне.

Блуд поймал

Я блужу как зверь в лесу.
Вряд ли ноги унесу.
Где мне верную тропу отыскать?
Там, вдали, горят огни...
Для меня ль горят они?
Кто подскажет чьи они? Как узнать?

Может это, как всегда,
С неба сверзилась звезда?
И запуталась в замёрзших кустах?
Я ж иду на этот свет.
Может мой он... Может нет...
Кто, простите, мне подскажет ответ?

А продрогшие снега
Мнёт упрямая нога.
Жизнь одна. И разве не дорога?
Появитесь кто-нибудь!
Подскажите верный путь.
Вправо? Влево? Прямо? Где повернуть?

Не судите! Я и сам
Слабо верю чудесам.
То Гринёва Емельян нашёл в снегах.
А головушку мою

Кто же выведет к жилью?
Снег пудами на моих на ногах...

Только вот одна беда —
Я по жизни никогда
По проторенной дороге не шёл.
Королям был кум и сват.
И министрам друг и брат.
Или... как там по пословицам ещё?

Где горит моё окно?
Я ищу его давно.
Только здесь как в чёрно-белом кино:
Видно «кинщик» пьян опять!
И окно не отыскать...
Угораздило ж в степу блуд поймать!

Пора!

Эй, рулевой! Держи два румба к норду!
Экватор не для нас. Здесь слишком жарко.
Уж лучше ветер северным аккордом!
Широты эти покидать не жалко.

Эй, боцман! Закрепи-ка в клюзах якорь!
А то ведь потеряем ненароком.
Пусть на борту нас мало, кот заплакал,
Но в порт родной вернёмся раньше срока.

Нам нечего терять у папуасов.
Там от жары кипела кровь по венам.
Лишь только б ветер появился сразу
Мы прокричим «адью!» аборигенам!

На север! Наши женщины прекрасны
Своей спокойной северной красою.
Жалеешь, юнга, что уйдём? Напрасно!
Ведь там за этой шторма полосою
Брунгильды белокурые заждались!
И грог в портовых кабаках остынет.
Но мы всегда обратно возвращались.
Да будет так! И присно, и отныне!

Абордаж

Эй! Все к бортам! Тащите крючья абордажные!
Он близко, галеон! Ещё немного...
Пускай его команда в двадцать раз отважнее
Мы тоже не подарок, слава богу!

Огонь силён? Плевать! И мы не девочки!
У боцмана смотри какая харя!
Глаза от рома – тоненькие щелочки.
Да он один такое им заварит...

Нам не впервой, удачи джентльмены!
Ещё минута и начнутся «танцы»...
Нет! Он не доползёт до Картахены!
Ну, что? Вы все готовы, оборванцы?

Борта трещат... И началась потеха!
Вперёд, ребята! Жалость вне закона!
Я вам клянусь, что в случае успеха —
Всё вам! Всё! До последнего дублона!

Рубите мачты! Галеон не нужен!
Пусть он потом подохнет на волне.
Вперёд, бродяги, кто с удачей дружен!
А леди в белом – стоп! – оставьте мне.

Её давно ищут по океану!

Всё в трюмах ваше! Я сказал – закон!

Шелка и бархат, деньги... Без обмана!

А мне – её! Ну, и на ром дублон!

Чтобы Гидра сожрала

Как старой-старой папуаски груди
Висят на реях наши паруса.
По всем приметам ветра вновь не будет.
Ну хоть бы облачко на небесах!

Как раскалились доски нашей палубы!
Хоть поливай её, не поливай...
Ну, где ты, Посейдон? Проснуться надо бы!
И острова красивы, но не рай,
А пекло.
Чтобы Гидра нас сожрала!
И ананас уже не лезет в пасть...
Неделю штиль. Такого не бывало!
И ром до капли выпит. Вот напасть!

Хоть *облачка бы на небе заplatку!*
Дней семь назад был ветер, но утих.
Обрыдли папуаски и мулатки!
И глазом я не поведу на них.

Эй, капитан! Не отпускай на берег!
Ни ночью не пускай, ни по утру.
О, господи! Как все осточертело!
Уж лучше я на палубе помру!

Где ветер, чёрт возьми? Поднять бы якорь!

Пусть шторм... пусть смерч... пусть даже ураган...

А вечер снова штиль бросает на кон...

Найди хоть кружку рома, капитан!

А сам-то?

И молвил король
– Возвестите! Турнир!
Сегодня не бьёмся тупыми мечами.
А кто будет ранен, хоть я не вампир,
Но встретиться им, всё одно, с палачами!

Снимайте доспехи! Бросайте щиты!
Ристалище кровью живою окрасим.
Давно я лелеял об этом мечты!
Устроим мужской и кровавейший праздник.

– Ну что Вы, король? – королева в ответ. —
По рыцарским правилам он вне закона!
Мы с недругом бились почти что пять лет.
А рыцарь – опора нашего трона!

– Не женщине мне указы давать! —
Насупил король свои грозные брови. —
Ну, что из того, что пришлось воевать?
Пусть мир завоёван, но хочется крови!

– Позвольте, король! Но у многих семья!
Всё это жестоко! И думаю с болью —
Увольте от этой забавы меня.
Я всех их люблю материнской любовью!

Король! Вы храбрейший из них! Я должна...

– Оставьте, мадам, пререкания Ваши!

Скорей, виночерпий, налей мне вина!

И за победителей! Полную чашу!

Турнир состоится! И знать ты должна

Он будет таким, что его не забудешь!

И тихо вздохнув королева-жена

Спросила

– А сам-то участвовать будешь?

За что, пойму!

Не казните за правду! Прошу. Очень.
Нелегко признаваться в грехах.
Тут в окошко ломится осень.
Она и в паспорте. И в стихах.

Кто другой – давно бы повесился. Честно!
Я же бьюсь как боксёр, до крови!
Похвалы ваши слышать лестно.
Но не мне они, а любви.
Той любви, какую вам надо.
Потому, что на этой Земле
Вы живёте. И вы – рядом.

Лист багровый приклеился на стекле...
По утрам свежо и прохладно...
Осень-сваха зовёт зиму...

А уж если казнить меня надо —
Казните тогда! За что? Пойму.

Нокдаун

Наливай «хрущёвский» до краёв!
Замахну его, не поперхнусь.
Где ж оно, спокойствие моё?
Подскажи! Найду! Хоть вывернусь!

Неужели я такой чудак,
Что не вижу солнца в день-деньской?
Так откройте веки мне тогда
Словно Вию в сказке гоголевской!

Сколько можно эти жилы рвать?
Больше половины измочалены.
Что же дальше, что ещё мне ждать?
Бьюсь башкой о стену я отчаянно.

Водка? Не спасенье! Проходил.
И урок запомнил навсегда.
Да! Не пил. Компаний не водил.
Только это тоже ерунда!

Потихоньку ухожу с ума...
Где же он, спасательный мой круг!
Мама! Встань! Роди обратно, ма!
Может я счастливей стану вдруг?

Только это тоже не с руки!
Выиграю бой! Как? Надо взвесить...
И сжимаю жёстко кулаки:
Рефери ещё не крикнул «десять!»»

Вот дурак!

И какого чёрта я в чулане
Прятал свои крылья?
Мне теперь приходится, болвану,
Пыль из них вытряхивать обильную.

А ведь думал – отлетался, баста!
И уже не пригодятся думал.
И такую сотворил напраслину!
Ох, дурак! Такое сделать сдуру!

Вытряхнул, примерил, помахал...
Вроде жмут слегка...
Всё же я немного полетал.
В полуметре от земли пока.

А ведь держат, чёрт меня возьми!
Устают чуть-чуть, совсем немного...
Ладно, не украдены людьми!
И на том спасибо, слава Богу.

На ладони крыши я стою
Город озирая с высоты...
Не летал бы, правду говорю,
Если бы не появилась ты!
Стар, как мамонт. Но опять, дурак,

Я взлечу! Осталось с крыши шаг!

Как гладиатор

Лоб окрестил, хоть в церковь не хожу.
Гитару в руки, рюкзачок за плечи,
Захлопнул дверь, ушёл куда гляжу.
И крыть моим домашним стало нечем.

Жилплощадь? Гаражи? Оставил я!
Бог вам судья! А я судить не буду.
И где-то на дорогах бытия
Наверно ваши имена забуду.

А сорок лет как будто и не жил,
Как будто ни со мной кино снималось,
Я на порог спокойно положил.
И всё другое... То, что там осталось...

Устал от лицемерия и лжи!
От бешеной погони за вещизмом...
Что? Я не прав? Ну, знаешь, не скажи!
Я кое в чём уверен в этой жизни!

Уверен, что в миру и без друзей
И шагу не ступил бы, ради Бога!
И в мир, как на арену в Колизее
Я гладиатором шагнул с порога.

Уверен – всё моё ко мне придёт.
Не возжигайте поминанья свечи!
Давно перекрестился. И вперёд!
Гитару в руки... Рюкзачок за плечи...

Казнить нельзя помиловать

Отрубите мне голову на гильотине!
Расстреляйте над старым, забытым оврагом!
Это будет лучшим подарком мне, скотине.
Милосердием вашим. И моим благом.

Вот тогда наконец я успокоюсь.
И уже никогда, никому не буду мешать.
Что ж меня, дурака, то тянет на поезд,
Самолёт иль корабль? Или просто бежать?

А куда? И зачем? Если б знал, ответил
Почему по свету меня мотает.
Сахалин, Москва, Оренбург, Имеретия,
Пермь, Приморье... да кто меня, чёрта, знает!

Впрочем, знаете, не казните! Не надо!
Одного желать никогда не устану:
Остановишь меня, хотя бы взглядом,
Я и сам на якорь, на мёртвый стану.

А не сможешь – казните на гильотине!
Расстреляйте над старым, забытым оврагом...
Это будет мне лучшим подарком, скотине!
А для вас – милосердием. А может благом.

Подскажите

Я спасибо судьбе говорю
Лишь зато, что на свете живу.
И на мир открыто смотрю
Продолжая писать главу
Жизни той, что дарована мне.
Не скулю. И не плачусь я.
Поносила меня по стране
Головёнка шальная моя!

Я не ангел! Моих грехов
Три вагона набрать запросто!
И гораздо меньше стихов...
И завидую белой завистью
Тем, кто правильной, лучше жил.
Не носился по белу свету.
Я бы оду о них сложил.
Только правильно будет это?

Я не бог! И судить не могу,
Что там правильной, а что нет.
Сам себе в неоплатном долгу.
Рассчитаться? Увы, нет!
Так и копится этот долг
Из надежд и несбывшихся грёз...
Как мне правильной жить? Я бы смог.

Подскажите! Прошу всерьёз.

Своя дорога

Не стойте у просёлочной дороги,
Которая вела когда-то в рай!
Штыками в рай не гонят видят боги.
Свою, свою дорогу выбирай!

Пускай она ухабиста и в ямах,
Пусть далеко уводит от жилья,
Но над тобой ничьё не реет знамя.
Она – твоя дорога, лишь твоя!

На ней себя накажешь за ошибки.
На ней своим успехам будешь рад.
Пусть иногда идёшь по мари зыбкой,
Но знаешь – больше нет пути назад!

Когда нас гнали общею дорогой,
Нам говорили
– Близко коммунизм!
И убеждали потерпеть немного.
В итоге получилось о... зм!

А здесь идёшь – и сам себе хозяин!
И ничего не застит горизонт.
И над тобой ничьё не реет знамя,
И на капризы неба – только зонт.

О нас

Я совсем не ловелас! (Это раз!)
Я могу слагать слова. (Это два!)
А ещё люблю гитару.
И проверенных друзей.
Я б их всех подряд поставил
У мадам Тюссо в музей!
Чтобы все, кто здесь бывает,
Знали, видя их в лицо —
Подлецов здесь не бывает!
Нет их здесь в конце концов!
От Ивана и до Васьки,
И до Славки – чёрт возьми! —
В джинсы их одень иль в плавки,
Все останутся людьми!
Их хоть в воду опусти,
Хоть снегами замести,
Отогреются и сразу
Станут пить!
Сильны, заразы!
Так что бардовский народ не урод!
А как раз наоборот! Вот!

Я вас любил...

И это ж надо – к старости влюбиться!
И бес в ребро! Седины на виски...
И голова как пьяная кружится!
И впору удавиться от тоски...

Порой такое снится мне ночами,
Что на луну голодным волком вою!
А ты тихонько поведёшь плечами —
Дворнягой побегу вслед за тобою!

Мой друг Харламов, в женщинах прожжённый,
Писал в стихах познав судьбы изгибы:
«Я вас любил, мои чужие жёны!
Да скажут ли друзья за то спасибо!»

Вот что мне делать? Я и сам не знаю...
Но свято верю лишь в одно! И твёрдо!
Люблю тебя, моя жена чужая!
И пусть за это мне расквасят морду!

Не мой город

Этот город не мой! Он мне больше не нужен.
Не нужна эта грязь захламлённых дворов,
Где стоят на асфальте вонючие лужи,
Где шприцы наркоманов в подъездах домов.
Где из труб продырявленных бьют родниками
Мутной жижей потоки клозетной воды.
Битых окон осколки хрустят под ногами,
Как предтеча грядущей и чёрной беды.

И скелет умеревшего детского дома
Смотрит в душу глазами окон пустых...
Где недавно ещё зеленели газоны —
Появился заваленный хламом пустырь.

Как проснувшийся после глухого похмелья
Вдруг увидел, что видеть глаза не должны...
А недавно ещё, в прошлогоднем апреле,
Так прекрасен был город от яркой весны!

Не бомбёжкой был этот город разрушен.
Хан ордынский его не покорял!
Здесь однажды мне ласково плюнули в душу...

Этот город не мой. Он мне больше не нужен.
Здесь однажды я просто тебя потерял.

День без проблем

Подари, господь, хотя б один день
Без проблем! Хотя б один из трёхста.
Пропади моя беда – злая тень!
Провались, да чтоб потом не достать!
Чтобы утренний был тёплым туман,
Чтоб всегда была хмельною роса,
Чтобы умерли и ложь и обман,
Чтоб не прятать от стыда мне глаза!

Чтобы после не была ночь без сна,
Чтобы струны мне не ввали звеня.
Чтоб когда-нибудь моя же жена
Человеком посчитала меня!
Чтобы нож не сунул друг втихаря,
Чтобы честными остались враги...
Дай прожить мне этот день не зазря!
Помоги, господь! Прошу, помоги.

Чтоб запретная любовь не ушла
Камнем в воду – лишь круги по воде...
Я ж не ангел! Но верни два крыла,
Что она мне попыталась надеть.
Я, конечно, с ними взмыть не смогу.
Но дай почувствовать их тяжесть опять!
Даже если и на взлёт разбежусь,

То не вспомню как умел я летать!

Ты мне этот день, прошу, подари!

Да не в городе. А где-нибудь там,

Где от утренней хмелеют зари.

Там, где кривда не идёт по пятам!

И пускай мне не дожить до него,

Пусть никто в него не верит совсем,

Ничего! Я подожду. Ничего!

Подари, господь, мне день без проблем!

Баллада о бюстгальтере

В далёкой-далёкой ирландской земле,
Где волны холодного моря,
Жил нищий рыбак по прозвищу Оле.
От бедности пьянствовал с горя.
Был молод, красив и отважен рыбак.
Да только одно было видно —
Удача к нему не приходит никак!
До чёртиков просто обидно!

То рыба уходит, то сети порвёт,
То лодку шарахнет о камни...
Нет, были уловы. Да мало. Не в счёт.
Да разве улов это? Капли!

Вдруг в сети однажды ему занесло, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.